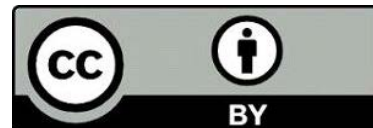

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51>

УДК 327.82 (09)

«НЫНЕ БРАТСТВУ ПРИМЕТА ТО, НЫНЕ ТОТ ЗАПРОС – КРЕЧЕТЫ, СОБОЛИ, РЫБЕЙ ЗУБ»: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОСОЛЬСКИХ ДАРОВ В РУССКО-КРЫМСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

М. С. Перов,

*Воронежский государственный университет,
Университетская пл., д.1, Воронеж, 394006, Россия*

Аннотация

Введение. Дана краткая характеристика эпохи и геополитической ситуации в регионе. Выявлена роль института посольских даров («поминков») в отношениях средневекового Русского государства с наследниками Улуса Джучи. **Материалы и методы.** Исторические источники фиксируют, по меньшей мере, 56 свидетельств о приеме и отправке послов в русско-ордынских отношениях второй половины XV в. (наибольшее число приходится на отношения с Крымским ханством). Исследование полученных данных показывает, что характерной особенностью посольских практик изучаемого периода является обмен дарами, которые в делопроизводственной документации отождествлялись как «поминки». В историографии нет единого мнения о характере подношений. Поэтому раскрытие вопроса о содержании и периодичности даров, определение символизма в «языке вещей» и сравнительный источниковедческий анализ с практиками предшествующих эпох может подтолкнуть к решению данной проблемы. **Результаты.** Выражением признания ханской власти является подношение определенного набора даров. В посольских практиках предшествующего периода (XII-первой половины XV вв.) данным маркером являлись кречеты, мерины, соболи. После распада Орды продолжение посольской практики прослеживается и в отношениях с Крымским ханством. Обращает на себя внимание и форма выражения «поминков» – не добровольное подношение даров, а запрос определенной вещевой атрибутики, носивший в 90-х годах XV столетия регулярный характер. **Заключение.** Сопоставление состава посольских даров XIII-XV вв. и подношений второй половины XV в. позволяет сделать вывод не столько о складывании нового посольского обычая в кочевой Евразии, сколько о продолжении традиции. Наличие определенного набора символов в институте посольских даров и запросах со стороны крымского хана может говорить о претензиях на «наследие» Орды в русско-крымских отношениях, ответные действия со стороны Русского государства выражают стремление к независимости и равноправию.

Ключевые слова: русско-ордынские отношения, постордынские государства, Крымское ханство, Менгли-Гирей, Иван III, посольский обычай, поминки, кречеты, соболи

Для цитирования: Перов М.С. «Ныне братству примета то, ныне тот запрос – кречеты, соболи, рыбей зуб»: к вопросу о содержании посольских даров в русско-крымских отноше-

ях второй половины XV века // История: факты и символы. № 3 (40). С. 44-51
doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Статья поступила: 19.02.2024

Статья принята в печать: 27.05.2024

Статья опубликована: 20.09.2024

© Перов М., 2024

**«NOW THE BROTHERHOOD IS A SIGN OF THAT, NOW THAT REQUEST
IS GYRFALCONS, COPAINS, FISH TOOTH»: ON THE ISSUE OF THE CONTENT
OF EMBASSY GIFTS IN RUSSIAN-CRIMEAN RELATIONS IN THE SECOND HALF
OF THE XV CENTURY**

*Maxim S. Perov,
Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia*

Abstract

Introduction. A brief description of the epoch and the geopolitical situation in the region is given. The role of the institution of ambassadorial gifts ("commemorations") in the relations of the medieval Russian state with the heirs of the Ulus of Jochi is revealed. **Materials and methods.** Historical sources record at least 56 certificates of the reception and dispatch of ambassadors in the Russian-Horde relations of the second half of the XV century (the largest number falls on relations with the Crimean Khanate). The study of the data obtained shows that a characteristic feature of the ambassadorial practices of the period under study is the exchange of gifts, which were identified as "minks" in the office documentation. There is no consensus in historiography about the nature of the offerings. Therefore, the disclosure of the question of the content and periodicity of gifts, the definition of symbolism in the "language of things" and a comparative source analysis with the practices of previous eras may prompt a solution to this problem. **Results.** The expression of recognition of the khan's authority is the offering of a certain set of gifts. In the ambassadorial practices of the previous period (XII-the first half of the XV centuries), this marker was gyrfalcons, geldings, sables. After the collapse of the Horde, the continuation of the ambassadorial practice can be traced in relations with the Crimean Khanate. Attention is also drawn to the form of expression of "commemorations" - not a voluntary offering of gifts, but a request for certain clothing attributes, which was regular in the 90s of the XV century. **Conclusion.** A comparison of the composition of the embassy gifts of the XIII-XV centuries and the offerings of the second half of the XV century allows us to conclude not so much about the formation of a new embassy custom in nomadic Eurasia, as about the continuation of the tradition. The presence of a certain set of symbols in the institute of ambassadorial gifts and requests from the Crimean Khan may indicate claims to the "legacy" of the Horde in Russian-Crimean relations.

Keywords: Russian-Horde relations, post-Horde states, Crimean Khanate, Mengli-Giray, Ivan III, embassy custom, commemorations, gyrfalcons, sables

For citation: Perov M. (2024). «Now the brotherhood is a sign of that, now that request is gyrfalcons, copains, fish tooth»: on the issue of the content of embassy gifts in Russian-Crimean relations in the second half of the XV century In *History: facts and symbols*, 3 (40), 44-51 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-40-3-44-51

Acknowledgement: The research funded by grant a Russian Science Foundation grant project no. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Received: 19.02.2024

Revised: 27.05.2024

Published: 20.09.2024

©Perov M., 2024

1. Введение

Распад Орды на независимые государственные образования во второй половине XV в. приводит к изменению геополитической ситуации в регионе. В условиях борьбы «за ордынское наследство» Русское государство на юго-восточном направлении внешней политики выстраивает диалог с новыми субъектами международных отношений. С одной стороны, это несколько снижает нагрузку ордынских военных набегов, с другой стороны – повышает требования к установлению новых контактов. Поиски новых форм отношений с правопреемниками Орды ставят закономерные вопросы о степени юрисдикции и суверенитета русских земель.

Важной составляющей русско-ордынских отношений являются посольские практики. Посольский обычай – это процедура, проведение которой осуществляется по строго установленным правилам и традициям. Именно в протокольных нормах приема и отправки посла, факте отсутствия или наличия подношений подарков, форме и содержании посольских даров (в Посольском приказе отождествлялись как «поминки») проявляются статусные характеристики отношений.

В историографии вопрос о характере, форме и составе «поминков» остается дискуссионным. Одни исследователи видят в них пережитки ордынской зависимости – своеобразную форму дани [12, с. 50], другие расценивают как дары [1, с. 60]. Анализ содержания «языка вещей» в дипломатическом протоколе и определение роли института посольских даров (в Посольском приказе отождествлялись как «поминки») в русско-ордынских контактах позволят выявить особенности «дипломатической игры» средневекового Русского государства с наследниками Улуса Джучи и определить статусность отношений.

2. Материалы и методы

Исследование различных аспектов русско-ордынских отношений весьма затруднительно в силу ограниченного количества репрезентативного источникового материала. Документальную основу статьи составили нарративные источники (летописи) и делопроизводственная документация (посольские книги), проработанная автором в Российском государственном архиве древних актов [8]. Методология исследования включала в себя приемы источниковедческого анализа, историко-системного, историко-сравнительного и статистического методов.

Изучение русского летописания показывает, что данный вид источников является скудным как в передаче информации о посольствах, так и в раскрытии вопроса о содержании поминок. В сведениях о приеме и отправке послов, отразившихся в русском летописании, имеется одно упоминание о поминках.

Более ценным источником, раскрывающим вопрос характера и содержания посольских даров, является делопроизводственная документация. Дело в том, что памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными более строго подходят к описанию посольского протокола и церемониала. Обращение специалистов к данному виду источников позволит проследить содержание и частоту заказов поминок от крымского хана в 1490-е гг., что, в свою очередь, может подтвердить гипотезу о том, что Крымское ханство является претендентом на дань с русских земель.

Фиксируемые в источниках сведения рисуют следующую картину запросов подношений [11, с. 151, 168, 173, 197, 211, 267, 341, 142]:

Март 1492 года – заказ на 60 соболей.

Июнь 1492 года – заказ на два сорока добрых соболей (всего 80).

Октябрь 1492 года – заказ на черных лисиц и соболей.

Октябрь 1493 года – запрос на то же, что и в октябре 1492 г.

1494 год – запрос на «черева рысьи, 6 рысей браных», снова 2 портища соболей, и 3-4 одинцов соболей. К этому шел запрос на 2 шубы соболя, 2 шубы куньи, 2 – горностаевых, 5 белых хребтовых, 6 – белых черевов.

1498 год – заказ на «2 сорока соболей с ноготки, 5-6 одинцов черных соболей с хвосты».

Весной 1501 г. крымскому хану Менгли-Гирею было отправлено 3 сорока соболей, пятьсот горностаев, шуба кунья «гола», две шубы «хрепты белилны голы», две шубы «черева белилны голы» да 10 шкур рыси.

В инструкции великому послу Ивана III Ивану Мамонову, посланной с гонцами в мае 1501 г., значилось: «А что есми ныне послал с теми татары поминков соболей царю и царицам, и царевичем, и князем, и яз тем поминком послал к тебе список, за Дмитревою печатью Володимерова. А которые с ними соболи посланы, и те соболи все подписаны ж, кому который соболь дати: а печать у соболей Дмитрея ж Володимерова. И ты бы те поминки царю, и царицам, и царевичем, и князем по списку велел роздати перед собою, кому которой соболь подписан дати» [11, с. 364-365]. На основании данного свидетельства можно говорить о существовании иерархии посольских даров.

3. Результаты

Единственное сохранившееся в русском летописании сообщение, в котором содержится упоминание о «поминках», свидетельствует:

«А того же дни [1475 г.] пришел из Крыму посол великого князя Никита Беклемишев от царя Менгли-Гирея, Ачи-Гереева сына Крымского, а с ним посол царев Довлетек Мурза с многими поминки...» [6, Т. VI. с. 132; Т. VIII. с. 178-179; Т. XII. с. 154; Т. XVIII. с. 247-248; Т. XXV. с. 301; Т. XXVI. с. 254].

Данное посольство было совершено, когда союзнические отношения между правителями устанавливались и скреплялись посольскими миссиями. Отражение известия в летописании указывает на размеры и особую щедрость посольских даров. Можно предположить, что поминки в связи с напряженной геополитической ситуацией в регионе (нападения Порты, борьба с Большой Ордой) являются выражением заинтересованности крымского хана в поддержании добрососедских отношений.

В посольских книгах первое упоминание о поминках содержится под 1474 годом во время дипломатической миссии Никиты Беклемишева:

«...А захочет царь писати в ярлык о поминках так: а поминки великому князю Ивану слати ко мне к Менли-Гирею царю потомуж, как король шлет ко мне поминки. И Миките то отговаривати, а такова ярлыка не взяти. А учнет царь говорити о том, чтобы вписати в ярлык о великого князя поминках так: а поминки ко мне к Менли-Гирею царю великому князю Ивану слати; а поминков ему моих не умаливати, – ино то отговаривати ж; а не отговорится, ино то в ярлык писати» [11, с. 3].

Как мы видим, указание великого князя превращается в инструкцию Никите Беклемешеву согласиться на выплату даров лишь в том случае, если хан будет этого «неотступно требовать». В посольских книгах при упоминании посольства Беклемишева также несколько раз прописывается наказ «отговаривати» от выплаты поминков. Из данного сообщения можно сделать вывод о том, что Москва всячески противилась включению обязательств выплаты поминок в договоры, т.е. стремилась выстраивать равноправные отношения.

В качестве одного из наказов русскому послу в Крым в 1474 г. было дано следующее: «и восхотят дати шерть (князья Эминек и Абдулла), да захотят... от того поминков, а без поминка не захотят шерть дати. И Миките им молвить: осподарь мой, князь великий, поминков со мною о том не прислал, а коли дружбы для своею моему осподарю на том ярлыке шерть дадите, и яз вам от себя поминков дам, а вы шерть дадите. Да от того им Мики-

те дати по сороку соболей тем двема князем, Именеку да Авдуле, а будет мало, ино и по два сорока дати» [11, с. 3-4].

Таким образом, великий князь соглашался, чтобы за присягу на верность договорным отношениям дать двум могущественным крымским князьям по сороку, в крайнем случае, по двум сорокам соболей.

Поминки хоть и выплачивались, но юридически не были оформлены. Юридическая незавершенность позволяла русской стороне избегать четкой фиксации размеров поминок, а также периодичности выплат. Размер поминок ставился в зависимость от ранга направляемого в Крым представителя. Выезд в Крым большого посла сопровождался отправкой «добрых» поминок; с гонцом отправлялись «легкие поминки».

Об этом свидетельствует сообщение о составе посольских даров крымскому хану Менгли-Гирею в 1486 г.: «послалъ князь велики съ Шемерденемъ царю Менли-Гирею соболь чорнь; а двема женамъ царевымъ по карабелнику. А брату цареву, царевичю Ямгурчею калге, соболь чернь. А царевымъ дѣтемъ, Ахметь-Кирею да Махметь-Кирею, по золотому. А князю Бурашу, что на Азикинѣ мѣстѣ, да Довлетеку, да Янкувату, да Казыю, что на Барыновѣ мѣстѣ, да Кирей-Сииту, цтю цареву, да Собакъ дувану, шестерымъ, по золотому. А хози Асану гостю золотой. Всего два соболя да два карабелника да девять золотыхъ» [11, с. 54, 56-57].

На содержание скудного состава посольских даров (два черных соболя, два корабелника и девять золотых) влияли два обстоятельства:

Во-первых, статус гонца не требовал больших поминок. Во-вторых, гонцы великого князя отправлялись в Крым налегке и наскоро. Не исключено, что выполнение союзнических обязательств перед Менгли-Гиреем и отправка русских войск в поход против Большой Орды в 1487 году стали следствием «легких поминок» и отправлением «черных соболей» в составе поминков годом ранее.

Следующий «запрос» посольских даров Менгли-Гирей делает в апреле-мае 1491 года: «Да будетъ ти ко мне съ Хозя Махметемъ кречеты послати... да 5 портищъ соболей, да три рыбы зубы прислалъ бы еси» [11, с. 124].

Для своего гонца крымский хан запрашивал еще 5 кречетов, «да чтобы добрый соколник ему здоровые кречеты купил» [11, с. 124].

В том же послании Менгли-Гирея Ивану III мы видим условия «братства» между сторонами: «Ныне братству примета то: ныне тот запрос, кречеты, соболи, рыбой зуб, тому Хозя Махметю давши, Доном доброе судно давши, борзо отпустишь, ино братство свое на место приведешь» [11, с. 124-125].

Термин «братство» на дипломатическом языке того времени означает политическое равноправие, однако характер сложившихся взаимоотношений нельзя назвать паритетным – русскому князю приходилось выкупать у крымского хана богатыми дарами право на «братство».

Анализ состава посольских даров второй половины XV в. позволяет сделать вывод о существовании определенного маркера в русско-крымском дипломатическом протоколе. Сведения имеющихся источников показывают, что характерной особенностью «языка вещей» в посольском обычае второй половины XV века являются «кречеты» и «соболи». В исторических источниках по русско-крымским дипломатическим отношениям второй половины XV века содержится 11 упоминаний обозначенного маркера («кречеты» и «соболи»). Следует отметить регулярность запросов охотничьих птиц (кречетов) и соболей со стороны крымского хана в 1490-е гг. (7 свидетельств).

Символом покорности и выражением признания ханской власти в посольской кочевой практике раннего периода русско-ордынских отношений (XIII-XIV вв.) являлось подношение определенных даров. Первые сведения о подобных посольских практиках в кочевой Евразии содержатся в параграфе 239 «Сокровенного сказания», в котором рассказыва-

ется о военном походе войска Чингисхана во главе с полководцем Джочи по завоеванию лесных народов (1207 г.):

«В год Зайца (1207)...к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же мериными да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы...» [9].

Исторический источник свидетельствует, что в качестве вещевых атрибутов признания суверенитета и легитимности ханской власти выступали «белые кречеты, белые мерины, белые соболи».

Представление об аналогичном наборе подарков дает и посольская миссия хана Токты к Ильхану Газану в 702 г. хиджры (26 августа 1302 - 14 августа 1303 гг.). Тогда посольство взяло с собой «соколов и другие подарки...приношения тех [джучидских] стран: соколов дальнелетных и охотничьих, разные меха – белок киргизских, ласок [фенек] карлуцких, горностаев славянских и соболей болгарских, кровных коней кипчакских и другие красивые подарки...» [3, с. 266].

В «Повести о царевиче Петре» при описании встречи в 1322 г. ордынского посла Ахмыла, упомянуты в качестве ханской принадлежности именно охотничьи птицы и верхняя одежда: «...Игнать пред кресты сыгражаны и, возьмъ тѣшь царскую – кречеты, шубы и питье, край поля и езера ста на колени пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя...» [5, с. 82-84].

Таким образом, источники дают представление о наличии общих признаков состава подношений, подарков и царской теши в предшествующий период.

4. Заключение

Сравнительный анализ состава посольских даров XIII-XV вв. и подарков, и подношений во второй половине XV в. позволяет сделать вывод не только о сохранении посольского обычая в кочевой Евразии. Наличие повторяющихся признаков (охотничьи птицы, соболи) на протяжении предшествующего периода и в содержании запросов крымского хана может являться демонстрацией власти и претензией на «наследие» Орды, т.е. на получение с русских земель определенного «выхода».

Безусловно, элементы «ордынского наследия» в отношениях и, в дипломатическом протоколе, в частности, с Крымским ханством продолжают присутствовать, однако в посольском церемониале (если быть точным – в цветовых символах и численности поминков) прослеживаются элементы независимости. Подношение «черных соболей» (имеющих ритуальное значение), а не белых, отправление «сорока» и «портищ» соболей, а не «единцов», подношение слабых охотничьих птиц (запрос хана на здоровые кречеты) на дипломатическом языке может свидетельствовать о стремлении Русского государства к политическому равноправию («братству») на международном уровне.

Таким образом, на основании полученных данных, можно утверждать, что поминки как институт посольских даров в отношениях Русского государства с правопреемниками Орды (в частности, с Крымским ханством) играли роль инструмента управления геополитической ситуацией в регионе в зависимости от того, какую функцию они выполняли и с какой целью преподносились сторонами.

Список источников и литературы

1. Виноградов, А. В. (2007). *Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века*. М.: ИРИ РАН. 200 с.
2. Горский, А. А. (2013). *Русь и Орда в XV столетии // Золотоордынское обозрение*. № 1. Казань. С. 65-72.

3. Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. I: Арабские и персидские сочинения. М., 2003. 336 с.
4. Пенской, В. В., Пенская, Т. М. (2022). *Постордынский мир и союз Ивана III и Менгли-Гирея I: попытка создания «биполярной» политической системы* // Золотоордынское обозрение. Т. 10. № 4. Казань. С. 868-898.
5. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Библиотека литературы Древней Руси. Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 9. СПб.: Наука, 2000. С. 82-84.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1-46. СПб: Издание Археографической комиссии, 1841.
7. Почекаев, Р.Ю. (2012). *Дары или дань? К вопросу о «Золотоордынском наследии» в отношениях московского государства с тюрко-татарскими ханствами* // Средневековые тюрко-татарские государства. № 4. С. 200-203.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123 Оп. 1.
9. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un Nirucatuvsuyan. Монгольский обыденный изборник. Том I. М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (1487-1533). Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. 870 с.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). Под ред. Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1884. 633 с.
12. Фаизов, С. (1994). *Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей)* // Отечественные архивы. № 3. С. 49-55.
13. Хорошкевич, А. Л. (2001). *Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.* М.: Эдиториал УРСС. 336 с.

References

1. Vinogradov, A. V. (2007). *Russko-krymskie otnosheniya. 50-e – vtoraya polovina 70-h godov XVI veka* [Russian-Crimean relations. The 50s – the second half of the 70s of the XVI century]. Moscow, IRI RAN. (in Russian).
2. Gorskiy, A. A. (2013). *Rus' i Orda v XV stoletii* [Russia and the Horde in the XV century] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 1, Kazan', 65-72. (in Russian).
3. *Zolotaya Orda v istochnikah (materialy dlya istorii Zolotoj Ordyili ulusa Dzhuchi)* [The Golden Horde in the sources (materials for the history of the Golden Horde or the ulus of Jochi)], I, Arabskie i persidskie sochineniya. Moscow, 2003, 336. (in Russian).
4. Penskoj, V. V., Penskaya, T. M. (2022). *Postordynskij mir i soyuz Ivana III i Mengli-Gireya I: popytka sozdaniya «bipolyarnoj» politicheskoy sistemy* [The Post-Horde World and the Union of Ivan III and Mengli-Giray I: an attempt to create a «bipolar» political system] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 10, 4, Kazan', 868-898. (in Russian).
5. *Povest' o Petre, careviche Ordynskom* [The story of Peter, Prince of the Horde] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi pod redaktsiei D. S. Lihacheva i dr.*, 9, St. Petersburg, Nauka, 2000, 82-84. (in Russian).
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL)* [Complete collection of Russian chronicles], 1-46, St. Petersburg, Izdanie Arheograficheskoy kommissii, 1841. (in Russian).
7. Pochekaev, R. Yu. (2012). *Dary ili dan'? K voprosu o «Zolotoordynskom nasledii» v otnosheniyah moskovskogo gosudarstva s tyurko-tatarskimi hanstvami* [Gifts or tributes? On the

issue of the «Golden Horde heritage» in the relations of the Moscow state with the Turkic-Tatar khanates] in *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*, 4, Kazan', 200-203. (in Russian).

8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 123, op. 1.

9. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un Nirucatobciyan. Mongol'skij obydenyj izbornik* [A secret legend. The Mongolian chronicle of 1240 under the title Mongrol-un Nirucatobciyan. The Mongolian everyday electoral College], I, Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1941. (in Russian).

10. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], 35, Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim (1487-1533). Pod red. G. F. Karpova. St. Petersburg, Tipodrafiya F. Eleonskogo Ko, 1882, 870. (in Russian).

11. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society], 41, Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej. T. I. (s 1474 po 1505 god, epoha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii). Pod red. G. F. Karpova. St. Petersburg, Tipodrafiya F. Eleonskogo Ko, 1884, 633. (in Russian).

12. Faizov, S. (1994). *Pominki-«tysh» v kontekste vzaimootnoshenij Rusi-Rossii s Zolotoj Ordoj i Krymskim yurtom (K voprosu o tipologii svyazej)* [Commemoration-«tysh» in the context of the relationship of Russia-Russia with the Golden Horde and the Crimean Yurt (On the question of the typology of relations)] in *Otechestvennyye arhivy*, 3, Moscow, 49-55. (in Russian).

13. Horoshkevich, A. L. (2001). *Rus' i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konec XV – nachalo XVI vv.* [Russia and Crimea: From Union to Confrontation. Late XV-early XVI centuries]. Moscow, Editorial URSS. (in Russian).